

Joanna Mianowska

Забытый Рюрик Ивнев и его «Драгоценная достоверность» о прошлом, себе и своих современниках

Polilog. Studia Neofilologiczne nr 2, 131-142

2012

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Joanna Mianowska

Uniwersytet Kazimierza Wielkiego
Bydgoszcz, Polska

ЗАБЫТЫЙ РЮРИК ИВНЕВ И ЕГО «ДРАГОЦЕННАЯ ДОСТОВЕРНОСТЬ» О ПРОШЛОМ, СЕБЕ И СВОИХ СОВРЕМЕННОКАХ

Ключевые слова: *дневники, достоверность, мемуарная книга, недорассказавшие, восстановление исторической правды*

Незаметно не только в Польше прошла 120 годовщина со дня рождения и 30 со дня смерти Рюрика Ивнева (псевдоним Михаила Александровича Ковалева). Этот известный поэт, прозаик, драматург, критик, а позднее переводчик в годы революции был корреспондентом многих газет, поддерживающих политику большевиков, в 1917-1918 гг. секретарем наркома просвещения А. Луначарского, а в 1920 году – председателем Всероссийского союза поэтов¹. Ранний Ивнев известен прежде всего своими стихами, сборником *Самосожжение* (1918), в котором его лирический герой, типичный представитель модернизма, размышляет о себе, тоскует, переживает, чувствует себя ничтожным и обреченным на гибель:

Сгореть, но сердцем не сгораю,
А только медленно горю.

Я раб, незнающий и жалкий..., 1913

Стихи этого сборника были замечены, и Ивнев посещает литературные салоны, знакомится с влиятельными поэтами и писателями. А. Блок, чета Мережковских, М. Кузмин, Н. Гумилев, А. Ахматова, Ф. Сологуб, В. Маяковский, В. Шершеневич, А. Мариенгоф и, наконец, С. Есенин – все они стали знакомыми Ивнева и сыграли в его творческой жизни (одни меньше, другие – больше) судьбоносную роль. Дворянин по происхождению, Ивнев со своим творчеством не поддается однозначной оценке приверженца большевизма. Революция, хоть и сыграла значительную роль в жизни и творчестве автора *Самосожжения*, не лишила его собственного мнения, пафоса тревоги, смятения, ожидания, наконец, протеста против несправедливости, преисполненного, однако, и религиозно-библейскими соображения-

¹ http://www.allbestpeople.com/a_22396.html (10.07.2010).

ми: «Тебе, Создатель, я молюсь...» или «...Благодарю Тебя за то, что научил любить униженных и каторжникам верить»².

В журнале „Крещатик”, опубликовавшем *Новые тетради дневников* Рюрика Ивнева под датой 10 марта 1907 года, содержится сверхважная запись: «Христос – это самый гениальный и прекрасный из людей, которые рождались в мире с самого его сотворения»³. И хотя Рюрику Ивневу в разных периодах его жизни сопутствовали религиозные сомнения и в сборнике *Солнце во гробе* (1920) прослеживается душевный надлом поэта, в стихотворении, открывающем книгу, он взволнованно просит: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, Помилуй нас»⁴. В его творчестве лирика преобладала, но Ивнев был также автором многих рассказов, повестей, романов, воспоминаний, дневников и писем. Его богатое в своем разнообразии творчество связывает прошлое с настоящим, изученное с неизвестным архивным материалом, в котором, как пишет Николай Леонтьев, называющий себя «наследником и душеприказчиком» Ивнева, еще много находок и не разобранных дневников 1916-1917 годов, мало исследована также переписка Ивнева⁵.

Обратимся, однако, к изданным в последние годы книгам Рюрика Ивнева – *Богеме*, роману-воспоминанию впервые публикующемуся без купюр, в котором факт тонко переплетается с художественным вымыслом, и к удивительной мемуарной книге *Жар прожитых лет* – своеобразному документу эпохи, навсегда ушедшему XX веку⁶.

Анастасия Цветаева называет написанное Рюриком Ивневым о прошлом «драгоценной достоверностью»⁷. На Ваганьковском кладбище в Москве и памятнике из серого мрамора Ивневу внимания заслуживает короткое его стихотворение, которое можно считать, как пишет Н. Леонтьев, «эпитафией». Приведем главную его часть:

Творил, как все, плохое и хорошее,
Как все был грешен и безгрешен был.
И все-таки счастливый и несчастный,
Влюбленный в жизнь во всей ее красе,
Себя я осуждаю ежечасно
За то, что я такой же, как и все⁸.

Наше особое внимание привлекли слова самого поэта: «влюбленный в жизнь во всей ее красе». На основе собственной жизни и событий своей эпохи Ивнев нашел свою мелодию повествования. Он вошел в богемный литературный круг начала XX века. Стоит сказать о «Мезонине поэзии», который образовали в 1913

² Там же.

³ См. Р. Ивнев, *Новые тетради дневников*, „Крещатик” 2009, № 2 /<http://magazines.russ.ru/kreschatik/2009/2/iv19.html> (10.07.2010).

⁴ http://www.allbestpeople.com/a_22396.html (10.07.2010).

⁵ Р. Ивнев, *Жар прожитых лет. Воспоминания. Дневники. Письма*, Санкт-Петербург 2007, с. 5-6.

⁶ Р. Ивнев, *Богема*, Москва 2005; Р. Ивнев, *Жар прожитых лет...*

⁷ Цит. за: Н. Леонтьев, *О книге Рюрика Ивнева*, [в]: там же, с. 6.

⁸ Цит. за: Н. Леонтьев, *Я шел, как все...*, [в]: Р. Ивнев, *Богема...*, с. 11.

году московские эгофутуристы и среди них был назван и Р. Ивнев⁹. В. Терёхина констатирует, что Ивнев в этом альманахе занимал видное место. Она пишет о нем: «талантливый, культурный поэт, который старался сочетать уроки символистов с необходимостью разрушения канонов»¹⁰. Не оценивая Ивнева однозначно, критик отмечает: «... В одних стихах... Ивнев – символист, в других он же, но эгофутурист»¹¹. Терёхина приводит также строки стихотворения Ивнева, высказанные поэтом в кафе «Бродячая собака», и ответные слова В. Маяковского:

А с лица и остатки грима
быстро смоят потоки ливней,
а известность промчится мимо,
оттого, что я только Ивнев¹².

Ссылаясь на мнение О. Мандельштама, Терёхина отмечает, что именно Ивнев был прототипом «серенького поэта» в поэме Маяковского *Облако в штанах*¹³. Эта история запечатлена и самим Ивневым в его *Богеме*, в части романа-воспоминания, озаглавленной *Друзей моих живые голоса*¹⁴. Богемную жизнь Санкт-Петербурга и «Бродячей собаки» отразила и Ирина Одоевцева в книге *На берегах Невы*, которую написала, по ее же словам, «... о них и для них»¹⁵.

О Маяковском Ивнев пишет как о талантливом поэте, мастерски читающем стихи¹⁶. Одоевцева также отмечает талант Маяковского и его удивительное чтение: «Голос его – голос митингового трибуна – то гремел так, что стекла звенели, то ворковал по-голубиному и журчал, как лесной ручеек»¹⁷. Мемуаристка приводит, однако, и такие слова любимого ею Н. Гумилева о Маяковском: «А ведь Маяковский очень талантлив. Тем хуже для поэзии. То, что он делает, – антипоэзия»¹⁸. Ивнев оценивает принципиальность Маяковского-поэта и предсказывает долгую жизнь его произведениям, «пронизанным страстной любовью к Родине»¹⁹.

В воспоминаниях на страницах *Богемы* Ивнев подчеркивает дерзость Маяковского и его бунтарство как протест против чуждых ему эстетических взглядов. Автор *Облака в штанах* показался Ивневу «высоким, красивым, смелым». Ивнев приводит также в качестве примера интересный факт первой встречи М. Горького и Маяковского, во время которой смущенный от волнения Маяковский не мог читать своих стихов. Провал Маяковского Ивнев оправдывает следующим образом: «Ему

⁹ В. Терёхина, *Только мы – лицо нашего времени*, [в]: *Русский футуризм. Стихи. Статьи. Воспоминания*, сост. В. Терёхина, А. Зименков, Санкт-Петербург 2009, с. 32.

¹⁰ Там же, с. 38.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Р. Ивнев, *Богема...*, с. 383.

¹⁵ И. Одоевцева, *На берегах Невы. На берегах Сены*, Москва 2007, с. 103.

¹⁶ Р. Ивнев, *Богема...*, с. 384.

¹⁷ И. Одоевцева, *На берегах Невы...*, с. 142.

¹⁸ Там же, с. 143; о В. Маяковском см. В. Тучков, *Бунт на корабле русской поэзии (В.В. Маяковский)*, [в]: *Литературная матрица. Учебник, написанный писателями*. В двух томах. Т. 2, Санкт-Петербург – Москва 2010, с. 167-194.

¹⁹ Р. Ивнев, *Богема...*, с. 386.

[Маяковскому – И.М.] нужны были стадионы и площади, а не салоны»²⁰. Ивнев опровергает также миф о ненависти Маяковского и Есенина, считая, однако, их совершенно разными поэтами.

В *Жаре прожитых лет* записана беседа Ивнева о В. Маяковском с литературоведом В.О. Перцовым (сохранилась стенограмма этой встречи)²¹. В ней Маяковский зарисован Ивневым яркой, колоритной фигурой, обращающей внимание своими репликами и меткими остротами. Из разговора Перцев – Ивнев можно узнать многое – о поэзии футуристов, «Петербургском Глашатае», «Обществе свободной эстетики», о декламации Маяковского, отношениях Маяковский – Есенин – Луначарский, а также о Хлебникове и Шершеневиче, о друзьях и недругах Маяковского. Много, зарисованное в разговоре Перцев – Ивнев, повторяется и в воспоминаниях Р. Ивнева *Маяковский и его время*, опубликованных упоминаемым Николаем Леонтьевым в «Арионе» в 1995 году²². В них, кроме Маяковского и рассуждений о русском футуризме, появляются имена талантливых в тот период литераторов В. Иванова, В. Брюсова, К. Бальмонта, Ф. Сологуба, С. Есенина, В. Каменского, В. Шершеневича, В. Хлебникова, В. Гнедова, Н. Бурлюка, М. Кузмина и А. Ахматовой. Кроме Маяковского в «Арионе» помещены также воспоминания Ивнева о Мариенгофе, В. Шершеневиче и А. Крученых. К воспоминаниям Ивнева (публикация Н. Леонтьева), публикуемым в „Арионе“, прилагаются объемные комментарии Алексея Зименкова²³. В них главное, как считает Зименков, что написанное Ивневым в целом не противоречит существующим сведениям о четырех поэтах, и с этим мнением надо согласиться. Стоит еще обратиться к флирту Ивнева с футуристами.

В 1914 г., когда было ликвидировано издательство «Лирика», в Москве было создано издательство «Центрифуга», а заявление новой группы («Грамоту») подписал среди многих известных поэтов и писателей Р. Ивнев²⁴. Упоминаемая Терёхина пишет, что в «Центрифуге» приютились бывшие петербургские эгофутуристы и творцы, представляющие распавшийся альманах «Мезонин поэзии»²⁵. Интерес может вызвать факт, что Корней Чуковский называет эгопоэтов «петербургскими гениями» и среди них называет также Р. Ивнева²⁶. В воспоминаниях футуриста Вадима Шершеневича приводится разговор со Львом Заком о стихах Ивнева, которые так понравились Заку, что для них он считал целесообразным издавать альманах «Мезонин поэзии»²⁷.

Шершеневич, которого с Ивневым связывали не только узы футуризма, но и позже имажинизма, называет Ивнева поэтом, но слабым романистом и журналистом и «как музыкальный драматург – он просто пародия. Но он [Ивнев – И.М.], как птица, собирает пищу всюду, где он ее находит. Я даже думаю, что Ивнев не хороший человек, но он хороший поэт. Это важнее»²⁸. Ивнев в *Боге-*

²⁰ Там же, с. 385.

²¹ Р. Ивнев, *Жар прожитых лет...*, с. 424-434.

²² http://magazines.russ.ru/arion/1995/1/8_anna1.html (10.07.2010).

²³ Там же.

²⁴ См. *Краткая летопись футуристического движения*, [в]: *Русский футуризм...*, с. 799.

²⁵ В. Терёхина, *Только мы – лицо...*, с. 47.

²⁶ *Русский футуризм...*, с. 459.

²⁷ Там же, с. 680-681.

²⁸ Там же, с. 683.

ме отводит место и для Шершеневича, называя его однако «чуждым» человеком и далее о нем: «Нет человека. Есть “кровяная машина”, человек-кукла»²⁹. Довольно резко оценивает Ивнев Шершеневича-человека, определяя его существом, подобным человеку. Он обращается к своему другу следующим образом: «Ты не живой и не мертвый. Ты просто предметный... Двигающийся предмет»³⁰. А ведь Ивнев с Шершеневичем, Мариенгофом, Есениным и другими подписывает «Декларацию» имажинистов³¹. Спустя два месяца, в марте 1919 года он публикует в газете „Известия” *Письмо в редакцию* и выходит из этой группы из-за разногласий³². Однако в декабре 1920 года Ивнев вновь заявляет о причинах своего выхода, которых уже нет, и его снова стали печатать в имажинистских сборниках, прежде всего в журнале „Гостиница для путешественников в прекрасном”. В издательстве «Ордена имажинистов» вышел ивневский сборник *Солнце во гробе* и книга *Четыре выстрела в Есенина, Кусикова, Мариенгофа и Шершеневича*, ставшая позже одной из частей романа-воспоминания *Богема*.

Отношения Ивнев – Есенин могут складываться на отдельную монографию, ибо их связывали крепкие узы творческой и личной дружбы с 1915 года. Ивнев свое первое стихотворение *...Я надену колпак дурацкий...* посвящает и вручает Есенину 27 марта 1915 года. В книге *Жар прожитых лет* появляется отдельная часть, озаглавленная *Первая встреча с Есениным*³³. В ней Есенин «тонкий, хрупкий, весь светящийся. И как бы пронизанный голубизной»³⁴. Ивнев отмечает талантливость и красочность стихов Есенина: «На нас пахнуло свежим сеном рязанских лугов»³⁵. 29 марта 1915 года Есенин посвятил Ивневу свое стихотворение *Я одену тебя побирешкой...*³⁶. В *Жаре прожитых лет* есть страницы, посвященные судьбам рукописей, стихотворения Есенина Ивневу и Ивнева – Есенину, а также письма Есенина – Ивневу³⁷. Они особо драгоценны, ибо в них выражены писательские симпатии и антипатии, отношение не только к разным мастерам поэтического слова – Блоку, З. Гиппиус, Д. Мережковскому, Д. Философову, Н. Клюеву, Горькому, но и к названным Есениным «гигантами – писателями» – Л. Толстому и Ф. Достоевскому. По свидетельству Ивнева, Есенин выделялся широким поэтическим кругозором, он прекрасно знал литературу, классиков, как и современных поэтов. Этим Ивнев опровергает мнение многих критиков о Есенине как о малообразованном творце³⁸. Страницы, посвященные Есенину, завершаются его же акростихом, посвященным Ивневу, зрительное восприятие которого налицо³⁹.

²⁹ Р. Ивнев, *Богема...*, с. 505.

³⁰ Там же, с. 506.

³¹ См. W. Popiel-Machnicki, *Świat przedstawiony w imażynistycznej poezji Siergieja Jesienina*, „Acta Neophilologica” III, 2001, UWM, Olsztyn, s. 241.

³² http://www.silverage.ru/poets/ivnev_bio.html (10.07.2010).

³³ Р. Ивнев, *Жар прожитых лет...*, 146-148.

³⁴ Там же, с. 147.

³⁵ Там же, с. 146.

³⁶ Там же, с. 148.

³⁷ Там же, с. 506-520.

³⁸ Там же, с. 518-520.

³⁹ Там же, с. 520.

Стоит вспомнить, что Ивнев посвятил отдельно многие страницы автору *Анны Снегиной*⁴⁰. В них многочисленные сюжеты, уже известные и вплетенные в книги *Богема* и *Жар прожитых лет*. Дружба эта была скреплена стихами, Есенин помог также Ивневу в подборе стихов к книге *Солнце во гробе* и в издании книги *Четыре выстрела в четырех друзей*⁴¹. Стоит отметить, что воспоминания Ивнева о Есенине всегда теплы, душевны, а ключ к взаимопониманию, по словам Ивнева, таков: «Мы оба видим Россию одними и теми же глазами»⁴². Ивнев подчеркивал также готовность Есенина и его срифмовать два слова: «Заря» и «Россия». Среди своих многих друзей, как и врагов, Ивнев выделяет Есенина особо, объясняя свое отношение к нему следующим: «Один ты [Есенин – И.М.] связан с Россией, и за это люблю тебя особенно»⁴³. Написанные строки о Есенине в *Богеме* Ивнев завершает словами: «...Ты стоишь передо мной крепкий, улыбающийся, кудрявый, как будущая Россия, загадочная РСФСР, полная огня и фосфора»⁴⁴. На наш взгляд, отношения Ивнев – Есенин – это тема отдельного исследования, ибо они не укладываются в обыкновенное свидетельство о современниках. Напомним, к примеру, что у Ивнева отношение к Маяковскому не всегда было положительным, однако он избегает явно критических оценок по отношению к поэту-трибуну. Иначе с Мариенгофом и Шершеневичем. Ивнев, названный «последним имажинистом», не пересказывает написанное другими, а отражает увиденное и пережитое им самим. Надо помнить, что Ивнев воскрешает не только атмосферу, настрой минувших дней, но и исчезнувшие детали, мелочи жизни, встречи этого периода. Его литературные портреты на свой способ субъективны, ибо, как справедливо отмечает Зименков: «Рюрик Ивнев бросает свой взгляд в прошлое с большой хронологической дистанции, когда внутреннему зрению бывает уже не по силам восстановить подробности хранящихся в памяти событий»⁴⁵.

Конфликт Ивнева с его друзьями – имажинистами имел свою длинную историю, о чем свидетельствуют и их резкие высказывания (особенно Шершеневича) об Ивневе. Ивнев не мог простить Шершеневичу этих слов: «Природа вложила женскую истерическую душу в мужское тело [Ивнева – И.М.]»⁴⁶. Есенина Ивнев просто любил и даже спустя годы, после выхода книг В. Белоусова о Есенине, а также литературной хроники о нем, в начале 70-х годов появляются записи Ивнева, озаглавленные *Новое свидание с Есениным*⁴⁷.

Белоусов, по словам Ивнева, в своих книгах вернул образ живого Есенина. Этого исследователя творчества поэта Ивнев называет «первооткрывателем», сделавшим для науки важные открытия в области есениноведения⁴⁸. В своих новых рассуждениях о Есенине, Ивнев отмечает «склонность его [Есенина – И.М.]

⁴⁰ *Стихи Есенина*. Рюрик Ивнев, *Воспоминания о Сергее Есенине*, на сайтах: <http://bibliotekar.ru/esenin-sergej/16.html> и <http://esenin.ouc.ru/rurik-ivnev.html> (10.07.2010).

⁴¹ <http://esenin.ouc.ru/rurik-ivnev.html> (10.07.2010).

⁴² Р. Ивнев, *Богема...*, с. 494.

⁴³ Там же, с. 493.

⁴⁴ Там же, с. 496.

⁴⁵ http://magazines.russ.ru/arion/1995/1/8_anna1.html (10.07.2010).

⁴⁶ *Русский футуризм...*, с. 684.

⁴⁷ Р. Ивнев, *Жар прожитых лет...*, с. 546-561.

⁴⁸ Там же, с. 547.

к мистификациям»⁴⁹. Однако, как он считает, в своей летописи о Есенине Белослов «развертывает полотно жизни великого поэта – и перед читателем одно за другим следуют события, в большинстве своем никогда и никому не известные раньше»⁵⁰.

Стоит отметить, что уже многие годы восстанавливается историческая правда о Есенине, и глубоко прав Зименков, констатируя: «Рюрик Ивнев, поэт и человек, своими мемуарами помогает сохранять для будущих поколений яркий, сложный и многозначный узор ушедшей в прошлое жизни. Спасибо ему за это»⁵¹.

Интерес вызывают ивневские страницы, посвященные Вячеславу Иванову, Федору Сологубу, Осипу Манделштаму, Андрею Белому и Максимилиану Волошину⁵². Из них реконструируется картина ушедшей России начала XX века. «Башня» Вячеслава Иванова и сам поэт сыграли весомую роль в творческой жизни Ивнева. Уроки мэтра, с которым считался весь литературный Петербург, не прошли бесследно⁵³.

Хорошим и добрым словом отзывается Ивнев и о Сологубе, с которым связаны его воспоминания о стихотворении, написанном в „Студенческом вестнике“, о котором Сологуб сказал: «Стихотворение хорошее, но вам [Ивневу – И.М.] долго не удастся включить его в свой сборник. И то, что его опубликовали, – случайность, чей-то недосмотр»⁵⁴. Ивнев понимал, что надо запастись терпением и сумел оценить приветливость, простоту и естественность в общении Сологуба, помимо его занятости и суровой оценки первых творческих шагов автора *Богемы*.

В дневниковых записях Ивнева есть сюжет, связанный со смертью Л.Н. Толстого. Он называет автора *Войны и мира* – «совестью русского общества» и пишет о волнениях среди студентов и смятении россиян, когда смерть Толстого стала неоспоримым фактом. Толстого Ивнев называет своим «любимым писателем», а его *Детство* – «источником познания и исцеления». Все это было, по ивневскому определению, – «на пороге жизни»⁵⁵.

Ивнев точно датирует некоторые свои дневниковые записи и благодаря этому происходит синхронизация событий с реальным историческим временем. Поэтому стоит сказать о достоверности описываемых событий. Происходит не только воскрешение жизни в 1918-1919 годы, но и ее осмысление. Манделштам из дневниковых записей Ивнева 1919 года представляется в тот период как человек, напоминающий заблудившегося ребенка, принимавший и отвергавший революцию⁵⁶. Ивнев писал не только о чарующих стихах Манделштама, выделяющегося своеобразной манерой чтения, но и о его бедственном положении и нуждах⁵⁷. Отмечая чистоту его души, Ивнев сулил ему в будущем «высокое блаженство

⁴⁹ Там же, с. 549.

⁵⁰ Там же, с. 551.

⁵¹ А. Зименков, *Комментарии к тексту*: Р. Ивнев, *Последний имажинист*, „Арион“ 1995, № 1 / http://magazines.russ.ru/arion/1995/1/8_anna1.html (10.07.2010).

⁵² Р. Ивнев, *Жар прожитых лет...*

⁵³ Там же, с. 94-96.

⁵⁴ Там же, с. 120.

⁵⁵ Там же, с. 8.

⁵⁶ Там же, с. 208.

⁵⁷ Р. Ивнев, *Богема...*, с. 453.

творчества и бездонную трагедию жизни»⁵⁸. Называя Мандельштама «великим поэтом эпохи» и уникальной личностью, Ивнев считал, что сравнить его ни с кем нельзя, а свои соображения о поэте он завершил словами: «Какое счастье знать, что такой человек мог появиться, вернее, пролететь над нами метеором»⁵⁹. В записях о Мандельштаме Ивнев не только регистрирует события, описывая совместное с Мандельштамом посещение Лавры в Киеве, но и фиксирует свои мысли о нем.

К 1920 году относятся записи Ивнева о Андрее Белом. Фиксируя нервозность, раздражительность и экспансивность автора *Петербургa*, Ивнев пишет о впечатлениях от вечеров, на которых Белый и его друзья Анисимовы увлекались антропософией и ее идеологом Рудольфом Штайнером. Ивнев высоко оценивает талант Белого, но одновременно он не признает увлечений автора *Петербургa* антропософией.

В другом, приподнятом духе, звучат дневниковые записи Ивнева о Максимилиане Волошине, «жертве Аполлона» и прекрасном художнике-акварелисте⁶⁰. Ивнев оказался в 1928 году на берегу Черного моря в Коктебеле, в гостеприимном доме Волошина. В *Жаре прожитых лет* описаны житейско-бытовые подробности этого дома – комната, затем совместная трапеза. Появляется лексика с оценочным значением, например – мезонин – большой и очень светлый кабинет. В написанном Ивневым о Волошине есть и высказывания, передающие чувства и настрой автора записок. Спустя несколько дней, как пишет Ивнев, «он жил в чужом доме и совершенно не чувствовал неловкости»⁶¹. К «Владыке Коктебеля», как констатирует уже в наши дни Наталия Мирошниченко, «... никогда не зарастала тропа, ведущая к могиле под небом – на вершину, обладающую магическим свойством исполнять желания. Но только для тех, кто верит...»⁶².

Творческая и лирическая дружба соединяла Ивнева с Б. Пастернаком, который посвятил Ивневу стихотворение с надписью: «Дорогому Рюрику Ивневу побратски»⁶³. Ю. Олешу Ивнев назвал в своих воспоминаниях «рыцарем без панциря», Алексея Крученых – «ревностным собирателем личной библиотеки, рукописей писателей, автографов», А. Кусикова – «самым ярким и типичным представителем ... переходной эпохи», А. Мариенгофа – «стоячим прудом, душным, зеленым, без воздуха, без движения», Н. Клюева – «великим и прекрасным поэтом», а М. Кузмина – «умным и чутким», А. Блока же – «благородным, суровым, но доброжелательным»⁶⁴.

Рюрик Ивнев был свидетелем многих исторических событий – революции 1905 года, первой мировой войны, февральской и октябрьской революций, гражданской войны, сталинской эпохи и, наконец, Великой Отечественной войны. Справедливы слова Г. Нефагиной, констатирующей: «Изменяется ракурс взгляда на человека и действительность, и это влечет не только появление новых объек-

⁵⁸ Там же, с. 459.

⁵⁹ Там же, с. 464.

⁶⁰ См. М. Волошин, *Любовь – вся жизнь. Стихотворения. Переводы. Статьи. Воспоминания о М. Волошине*, Коктебель 2008; Р. Ивнев, *Жар прожитых лет...*, с. 350-352.

⁶¹ Там же, с. 352.

⁶² Н. Мирошниченко, *Вступительное слово*, [в]: М. Волошин, *Любовь – вся жизнь...*, с. 11.

⁶³ Р. Ивнев, *Богема...*, с. 468.

⁶⁴ Там же, с. 448, 469, 489, 497, 502, 392, 358, 349.

тов в поле зрения, но и давно известное приобретает совершенно новый смысл, неожиданно высвечиваются не замеченные прежде грани»⁶⁵.

В ивневском автобиографическом романе *Богема* действуют вымышленные и реальные лица. Это насыщенный фактами рассказ о эпохе, друзьях и недругах, современниках поэта. Е. Евтушенко называет Ивнева «драгоценным свидетелем», однако сожалеет, что Ивнев, оказавшись внутри большевистской системы, не видел «перерождения власти в самом аппарате, частью которого он был»⁶⁶. Жаль, конечно, что Ивнев недорасскажет об этом людям. Евтушенко констатирует, что история человечества полна недорассказавшими людьми, и им он посвящает свое стихотворение, предупреждая: «Трагедия всех недорассказавших в том, что все может повториться вновь»⁶⁷.

В связи с вышесказанным стоит отметить, что в дневниковых записях Ивнева появляются и политические деятели, так как поэта захватила февральская, а потом октябрьская революции. Ивнев вспоминает первые месяцы и годы советской власти, считая, что единственное спасение в тот период могла дать партия большевиков и Ленин⁶⁸. Признаваясь в своей политической неподготовленности, Ивнев рассуждает о событиях в России, начиная от приезда Ленина из Швейцарии и его встречи с рабочими на Финляндском вокзале. Слова Ленина он называет простыми и ясными, а вождя – настоящим оратором⁶⁹. Встав сразу и явно на сторону большевиков, Ивнев вспоминает о своих разрывах с людьми, которые хотели его «спасти от гибели» или помешать «погрузиться в бездну большевизма»⁷⁰. Среди поэтов, не разорвавших с ним отношений, Ивнев называет Есенина, Мандельштама и сына К. Бальмонта, пианиста Николая Бальмонта.

В *Богеме* и в *Жаре прожитых лет* Ивнев поместил разные фрагменты, связанные со знакомством с А. Луначарским. В *Богеме* Ивнев заявляет, что 1917 г. – это для него прежде всего «годы юности, часть... жизни»⁷¹. Знакомство с Луначарским произошло в цирке «Модерн» и первым подошел к комиссару поэт. Интерес могут вызвать слова Ивнева, что в обществе Луначарского он осознал, что «находится в положении подмастерья у талантливого и опытного мастера, у которого есть чему поучиться»⁷². Так Ивнев становится секретарем Луначарского и в качестве корреспондента газеты „Известия ВЦИК” участвует в работе IV Чрезвычайного Съезда Советов, который ратифицировал Брестский договор о мире. Из написанного в *Богеме* вырисовывается образ Ивнева, сторонника и приверженца советской власти⁷³. В 1919 году Ивнев ездит по России в агитпоезде и выступает, агитируя за большевиков. В *Богеме* он пишет: «Я с восхищени-

⁶⁵ Г. Нефагина, *Динамика стилевых течений в русской прозе 1980-90-х годов*, Минск 1998, с. 136.

⁶⁶ *Один из недорассказавших. Рюрик Ивнев (1891, Тифлис – 1981, Москва)*. Из антологии Евгения Евтушенко, *Десять веков русской поэзии*, <http://www.newizv.ru/news/2008-04-11/88287-odin-iz-nedorasskazavschih.html> (10.07.2010).

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Р. Ивнев, *Жар прожитых лет...*, с. 169.

⁶⁹ Там же, с. 170-171.

⁷⁰ Там же, с. 172-173.

⁷¹ Р. Ивнев, *Богема...*, с. 413.

⁷² Там же, с. 414.

⁷³ Там же, с. 413-432.

ем наблюдал, как он [Луначарский – И.М.] живо и страстно реагировал на любое проявление прямого и искреннего сочувствия советской власти со стороны видных деятелей науки и искусства»⁷⁴. В качестве примеров Ивнев приводит имя Блока, порвавшего с его недавними друзьями – литераторами Сологубом, Гиппиус, Мережковским и другими. Ивневу – секретарю – корреспонденту Луначарского был выдан «особый мандат на право пользования кремлевским телефоном»⁷⁵. В воспоминаниях об этом периоде своей жизни Ивнев многократно называет себя «политическим младенцем», и отсюда он выводит свой отказ от предложенного ему поста замнаркома. Однако, на наш взгляд, явная поддержка большевизма помогла Ивневу и в его поездке в Германию в 1925 году, и в путешествии по Дальнему Востоку, Камчатке и Японии. Луначарский везде назван Ивневым человеком добрым, жизнерадостным и отзывчивым. В связи с написанным Ивневым хочется привести в качестве примера написанные Романом Гулем очерки о Ф. Дзержинском и В. Менжинском, в которых показан террор созданной Дзержинским ВЧК, и всероссийская робеспьериада, о которой знали все⁷⁶. Заметки Ивнева кажутся написанными в другой стране, в которой не было ни террора, ни его вершителю, и в этой связи имеет смысл стихотворение Е. Евтушенко и его слова: «Так жаль, что недорассказали вы, как несвободой делалась свобода... когда хоронят люди память заживо, то воскресает пролитая кровь»⁷⁷.

Во фрагментах из дневников 1919 года Ивнев по дороге в Грузию отмечает: «Если в Советской России я мог более или менее твердо знать, что меня ожидает завтра, то здесь я был во власти зыбких волн случая»⁷⁸. За прочитанную Ивневым лекцию «Ленин и Россия» (4.01.1920) правительство Грузии подписало ордер на арест и высылку поэта из своей страны.

Интересно и искренне, на наш взгляд, описана Ивневым его встреча с художником (будущим эмигрантом) Сергеем Судейкиным и его слова, направленные поэту: «Ах, Рюрик Ивнев, я улыбаюсь нашему прошлому, Петербургу, “Бродячей собаке”, вернисажам, вечерам поэзии, глухому голосу Гумилева, певучим стихам Ахматовой. Ведь вы для меня – один из чудесных осколков Петербурга. Страшно подумать, что все это умерло и лежит на дне Невы»⁷⁹. В этой связи стоит отметить и другие воспоминания, второй жены Судейкина, Веры Артуровны, ее густо населенный дневник, состоящий из петроградской, крымской и тифлисской частей⁸⁰. В нем имя Ивнева появляется в контексте ивневского романа *Несчастный ангел* (читают его, как вытекает из написанного, «с увлечением») ⁸¹. Судейкина называет среди своих любимых поэтов в одном ряду с Блоком и Кузминым Рюрика Ивнева⁸². Имя «эстетствующего» Ивнева появляется также в *Приложении*

⁷⁴ Там же, с. 421.

⁷⁵ Там же, с. 426.

⁷⁶ Р. Гуль, *Дзержинский (начало террора)*, Москва 1991.

⁷⁷ *Один из недорассказавших...*

⁷⁸ Р. Ивнев, *Жар прожитых лет...*, с. 235.

⁷⁹ Там же, с. 255.

⁸⁰ В. Судейкина, *Дневник. Петроград. Крым. Тифлис*, подготовка текста, вступительная статья, комментарии, подбор иллюстраций И.А. Меньшовой, Москва 2006.

⁸¹ Там же, с. 45.

⁸² Там же, с. 306.

к *Дневнику* Судейкиной, сделанному С. Судейкиным в Тифлисе⁸³. Вера Судейкина записывает в сентябре 1918 года: «Вечером читали „Весенний салон поэтов“»⁸⁴. В нем также (альманах вышел в мае 1918 года) среди опубликованных стихотворений 45 поэтов имя и стихи Ивнева⁸⁵. Жена художника в дневниковых записях пишет о кафе поэтов в Москве (16 XII 1918), возможно, это кафе «Домино» на Тверской с открытой эстрадой Профессионального союза поэтов, где выступал Ивнев рядом с Есениным, Бальмонтом и другими. Позднее эта эстрада была преобразована в клуб Всероссийского союза поэтов, руководимого Ивневым⁸⁶. Как известно, Судейкины, как и тысячи россиян, испробовали «лабиринт изгнания»⁸⁷. Прав был В. Аксенов, когда писал: «Вот так и складывается композиция мемуаров: отступление наплывает на отступление, то и дело появляются любопытные мысли и расширяют картину»⁸⁸.

В анализируемых книгах Ивнева *Богема* и *Жар прожитых лет* содержится интересный материал не только о современниках автора, но и об общественно-политической жизни в России разных периодов ее истории. Воспоминания Ивнева, его дневниковые записи, письма – это сокровищница, одна из многих и весомых страниц в русской культуре XX века. Это также одно из доказательств, что не может быть диктатуры в искусстве. Все больше и дальше уходят в прошлое, ускользают мгновения запечатленного Ивневым серебряного века, знаменитых представителей культуры этого периода, литературных салонов, кафе, и государственно-политических деятелей, которыми не всегда дорожат современники. Книги Ивнева – бесценный материал, в них надо разобраться, ведь они не были, на наш взгляд, организованы и написаны с учетом «двойного адресата». Прежде всего их выделяет документализм – даты, топонимы и имена реальных людей соотносятся с реальной действительностью. Ивнев воскрешает жизнь, начиная от своего детства, одновременно ее осознает и осмысливает. И хотя сегодня могут будоражить его стихи – панегирики в честь Сталина и других имен, которыми не дорожит история, надо отдать должное Николаю Леонтьеву, который не пытался, как он пишет: «... в угоду конъюнктуре приглаживать прошлое, „осовременивать“ жизнь и взгляды поэта». Сам Ивнев писал: «... будущие исследователи нашей эпохи станут определять ценность тех или иных мемуаров. Искренние заблуждения или ошибки авторов, как и сознательное искажение, они без труда “выведут на чистую воду”. Поэтому я пишу все. Это дает свободу действий и является фундаментом воспоминаний»⁸⁹. Ушедшее в воспоминаниях Ивнева представляется живым, настоящим и в этом ценность написанного.

⁸³ Там же, с. 399.

⁸⁴ Там же, с. 252.

⁸⁵ Там же, с. 252, 560.

⁸⁶ Там же, с. 586.

⁸⁷ Заглавие романа Г. Симонова, *Лабиринт изгнания*, Москва 2008, см.: *Литературное зарубежье России. Энциклопедический справочник*, под общей редакцией Е. Чельшева и А. Дегтярева, гл. ред. Ю. Мухачев, Москва 2006.

⁸⁸ См. В. Аксенов, *Послесловие к книге Анатолия Гладилина или Наш ответ Франсуазе Саган*, [в]: А. Гладилин, *Улица генералов. Попытка мемуаров*, Москва 2008, с. 317.

⁸⁹ Р Ивнев, *Жар прожитых лет...*, с. 7.

Summary

The forgotten Ryurik Ivnev and his ‘valuable credibility’ of the past, himself and his contemporaries

The research material is based on the two books of the forgotten poet of the Silver Age, Sergei Yesenin’s friend – Ryurik Ivnev – a memoir novel *Bohemia* and *The fever of the by-gone years. Memories. Diaries. Letters*. This is a valuable documentation of the 20th century Russian culture and its notable representatives, such as S. Yesenin, V. Mayakovsky, F. Sologub, M. Voloshin and many others. Ivnev’s memoirs illustrate not only the distinguished figures of the early 20th century and the facts from their lives and literary output, but also the activity of literary groups and associations along with the significant historical events of the past years. This is a kind of a peculiar and valuable documentation of an era.

Keywords: *diaries, credibility, a memoir, vague hint, the restoration of the historical truth*